

Вадим Россик

*Нотариус
из Квакенбурга*

Книга первая

Вадим Россик
Нотариус из Квакенбурга
Серия «Книга», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8966752
ISBN 978-5-4474-0436-9

Аннотация

Старый граф Де-Бург убит. Подозрение падает на всех живущих в замке Три Башни. Полицейский инспектор, ведущий расследование, в тупике. Он просит помощи у месьера Мартиниуса...

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	8
Глава третья	12
Глава четвертая	14
Глава пятая	19
Глава шестая	23
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Нотариус из Квакенбурга Книга первая Вадим Россик

© Вадим Россик, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

Глава первая

В которой Мельхиор начинает самостоятельную жизнь

Меня зовут Мельхиор Ян Лукас. Правда я не люблю имя Мельхиор, потому, что у людей оно, как правило, ассоциируется со столовыми приборами. Всякими там ложками и вилками. Поэтому я обычно говорю, что меня зовут Ян Лукас. Так проще и демократичнее. Хотя я происхожу из знатного сословия и имею, в отличие от простых гвевдов, право на два имени. Однако моему шефу месьеру Мартиниусу почему-то нравится называть меня именно Мельхиором, а я стесняюсь ему сказать, что мне это не по вкусу. Но я, кажется, забежал вперед. Попробую, все-таки, рассказать эту историю по порядку.

Родители дали мне первое имя в честь моего деда Мельхиора Теофила Лукаса, который при короле Себастьяне Втором дослужился до генеральского чина, командовал бригадой легкой кавалерии и геройски пал в битве при Портобелло. Мой отец Ян Мельхиор, продолжая семейную традицию, служил в уланском полку и после окончания Большой Северной войны вышел в отставку в чине ротмистра. Уже в зрелом возрасте он женился на Камелии Левант, дочери Хенрика Леванта, адвоката из Квакенбурга. Вскоре после моего рождения отец умер, так как его здоровье было подорвано ранами и лишениями военного времени. Моя матушка оставшаяся к тому времени совсем одна на белом свете, купила небольшую квартиру на Кронской улице в Квакенбурге, в которой я и вырос.

Мама приходила в ужас от одной только мысли, что ее сын тоже будет военным, как и муж. Поэтому она приложила все силы, чтобы воспитать во мне отвращение к армии и военной службе. Надо признать, что это ей удалось только отчасти. Хотя в детстве мне не разрешалось играть с игрушечными пистолетами и ружьями и у меня никогда не было оловянных солдатиков, как и всех мальчишек, меня тянуло посмотреть на высоченных гвардейских гренадеров, стоящих в карауле у Королевского дворца. Часто после уроков мы с ребятами играли в войну в Городском парке. Пару раз мне удалось увидеть и ежегодный парад Гвардейского корпуса в день рождения нашего короля. Все же, несмотря на все это, когда я повзрослел, у меня не появилось ни малейшего желания определиться на военную службу.

Когда мне исполнилось семнадцать лет, уступая матушкиным мольбам, я поступил в университет на юридический факультет. Через три года моя бедная мама скоропостижно умерла от воспаления легких. Мне пришлось бросить учебу, так как денег оставшихся после мамы оказалось совсем немного и нужно было решать: как жить дальше. Необходимо было найти какую-то работу, чтобы обеспечить свое существование.

Сначала я попытался найти место в одной из крупных юридических контор, вывески которых так часто бросаются в глаза на Гранд-бульваре в центре города. Через неделю напрасных хождений, я понял, что у бедного недоучившегося студента нет ни одного шанса устроиться в солидную фирму. Везде меня встречали вежливые клерки, которые, быстро справившись у хозяина о наличии вакансий, провожали меня к выходу. Пришлось расстаться с мечтой о Гранд-бульваре и хорошем заработке. На последние деньги я покупал квакенбургские газеты и тщательно изучал страницы с объявлениями о трудоустройстве. К сожалению, ничего подходящего для меня не было. Деньги таяли как снег под солнцем. Я уже совсем отчаялся и стал подумывать о том, чтобы все-таки поступить на военную службу.

Однажды, читая колонку объявлений в «Гведском курьере», я обратил внимание на странное объявление. Оно было очень лаконичным и конкретным: «Требуется гений».

Терять мне было нечего, деньги почти кончились и хотя я, конечно, не считал себя гением, все же решил попытать счастья.

Не откладывая в долгий ящик принятое решение, уже на следующее утро, я отправился по указанному в объявлении адресу: Зеленая улица, дом пятьдесят пять. Миновав огромное квадратное здание Биржи, я свернул за угол на Зеленую улицу. Домом под номером пятьдесят пять оказался уютный двухэтажный кирпичный особняк весь поросший вьюном, из чащи которого выглядывали узкие окна с частым переплетом. Перед домом, как это обычно принято в Квакенбурге, находился маленький цветочный газон, через который от улицы к дверям вела дорожка, выложенная серой узорной плиткой. Пройдя по дорожке к дому, я увидел на дверях красный почтовый ящик с эмблемой королевской почты и начищенную металлическую табличку. На табличке было написано «Доктор Мартиниус. Нотариальные услуги». Затаив дыхание, я постучал в дверь. Дверь мне открыла пожилая женщина в белом фартуке и чепце. Связка ключей на ее пояске сообщала всему миру о том, что женщина занимает важный пост домоправительницы. Ласково улыбаясь, она спросила меня:

– Что вы хотите, молодой месьер?

– Доброе утро, – вежливо поздоровался я с ней. – Я прочитал объявление в «Гведском курьере» и решил предложить свои услуги.

– А, так вы гений? – все так же улыбаясь, сказала женщина. – Проходите, проходите. Доктор Мартиниус вас давно ждет.

Женщина проводила меня на второй этаж, где, войдя в одну из дверей, мы оказались в большом кабинете.

– Располагайтесь здесь поудобнее, молодой месьер, – домоправительница указала мне на одно из нескольких кожаных кресел, стоящих возле письменного стола. – Пожалуйста, немного подождите. Доктор Мартиниус сейчас придет.

Еще раз улыбнувшись на прощание, она вышла. Я остался один, уселся в кресло и осмотрелся вокруг. Кабинет производил солидное впечатление. Казалось, что здесь работает великан. Высокий потолок, высокие стрельчатые окна, полузакрытые плотными шторами, стены отделаны дубовыми панелями, на которых в рамках под стеклом висели какие-то грамоты и дипломы, пол покрыт толстым цветным ковром. Огромный резной стол, у которого я сидел, уставлен различными принадлежностями для письма. Тяжелые книжные шкафы темного дерева, стоящие вдоль стен и картины, украшающие простенки между окнами, создавали впечатление достатка и надежности.

За дверью послышались быстрые мелкие шажки и в кабинет вбежал маленький человечек в черном сюртучке. Человечек был худ, сутул и совершенно лыс.

– Приветствую, приветствую вас, юноша! – с энтузиазмом пропищал он, помахав мне рукой в знак приветствия.

Прежде чем я успел что-нибудь сказать в ответ, человечек пробежал мимо меня и устроился за письменным столом.

– Меня зовут доктор Мартиниус, Бенедикт Мартиниус. А как ваше имя, позвольте узнать?

– Мельхиор Ян Лукас, месьер доктор, – пробормотал я, слегка ошарашенный необычной внешностью и энергией хозяина кабинета. – Я пришел по объявлению, поданному вами в газету.

– Ах, месьер Лукас, это прекрасно, что вы откликнулись, но мне требуется гений. Я же ясно указал в объявлении, что ишу гения. Вы соответствуете моему требованию?

– Мне трудно судить о том, соответствую ли я вашим требованиям, пока я не узнаю, в чем будут заключаться мои обязанности, – постарался я уклониться от прямого ответа.

– Ваши обязанности, месьер Лукас, будут заключаться в том, чтобы привести в порядок мои бумаги. Я имею в виду деловую документацию и огромную библиотеку, которую

собираю много лет. Так как книги в библиотеке написаны на разных языках, вам нужно будет в течение шести месяцев овладеть самыми распространенными из них, чтобы правильно составить каталог. Кроме того, вы должны обладать знаниями по юриспруденции, чтобы помогать мне в моей работе. Я, как вы знаете, нотариус и мне необходим секретарь. Это основные мои требования к помощнику, а остальное вы узнаете потом. Так как я считаю, что мой помощник должен обладать обширными знаниями в разных областях науки, быть воспитанным, аккуратным, честным, трудолюбивым, не иметь вредных привычек, то можно сделать вывод, что такой человек, если он вообще есть на свете, должен быть гением. Я подал объявление, надеясь, что во всем Квакенбурге найдется хотя бы несколько человек, отвечающих моим требованиям. Однако за месяц отважились прийти только вы. Чтобы принять решение я хотел бы, чтобы вы рассказали о себе подробнее.

Я вкратце описал эксцентричному нотариусу свою биографию и, к своему удивлению, без дальнейших разговоров был принят на службу с жалованьем в двести гведских крон в месяц и бесплатным питанием. На следующий день я, собрав свои скромные пожитки, переехал к доктору Мартиниусу, так как он предложил мне жить в его доме, в большой светлой комнате на втором этаже. Моя комната находилась рядом с его кабинетом и, таким образом, я был у него всегда под рукой. Свою квартирку на Кронской улице я сдал в наем одному приезжему студенту. Вот так началась моя самостоятельная жизнь.

Глава вторая

В которой Мельхиор чувствует себя счастливым

Работа у месьера Мартиниуса оказалась не такой уж и трудной, как он пугал меня при знакомстве. Обычно с утра до обеда нотариус принимал посетителей: давал юридические консультации, заверял документы, выдавал доверенности. Я помогал ему в этом и, таким образом, постепенно набирался опыта. После обеда доктор уходил по своим делам в город. Во время его отсутствия, я занимался деловыми бумагами или возился в библиотеке. После ужина мы расходились по своим комнатам и я изучал иностранные языки или право. Перед сном я немного гулял по окрестным улицам.

Кроме нотариуса и меня в особняке постоянно жила еще служанка по имени Саския – та самая женщина, которая открыла мне дверь в первый мой приход сюда. Саския готовила и убирала в доме. Служанка оказалась отличной кухаркой и только очень большой привереда остался бы недоволен ее стряпней. Доктора Мартиниуса она всегда именовала старым месьером, а меня стала называть молодым месьером. В доме было чисто и тепло. К моим услугам была обширная библиотека. Нотариус был мною доволен. Так незаметно прошло несколько месяцев. Я чувствовал себя счастливым. Наша жизнь текла неторопливо, по раз и навсегда установленному распорядку и через короткое время мне стало казаться, что так всегда было и всегда будет. Как же я ошибался!

Доктор Мартиниус оказался действительно очень необычным человеком. Трудно сказать, сколько ему было лет. В зависимости от освещения и собственного настроения нотариус мог выглядеть и на сорок, и на шестьдесят лет. Его внешность, конечно, сразу обращала на себя внимание. При исключительно малом росте и редкостной худобе месьер Мартиниус был еще и сутул, что превращало его фигуру в какое-то подобие вопросительного знака. Лицо моего хозяина было длинным и узким, с торчащим вперед любопытным носом. Маленькие круглые голубые глазки сверлили собеседника и, казалось, видели его насквозь. Однако, при такой неординарной внешности месьер Мартиниус, как ни странно, производил на людей скорее приятное впечатление. Недостатки его внешности компенсировались кипучей энергией, которую он излучал, приветливым выражением лица и любезным обхождением со всеми, с кем ему приходилось иметь дело.

Как я уже говорил, он был совершенно лыс, без малейших признаков волос на голове. Но это был не тот случай, когда говорят, что умные волосы покинули глупую голову. Напротив, месьер Мартиниус обладал очень умной головой. Со временем я узнал, что мой хозяин являлся великолепным специалистом в области нотариального права, а также большим любителем и знатоком литературы. Кроме того, он отлично играл в шахматы и нередко просил меня составить ему вечером компанию. По сравнению с нотариусом, я был слабым игроком, но охотно соглашался сыграть с ним партию-другую, чтобы повесить свое мастерство.

Мне не понадобилось много времени, чтобы понять, что месьер Мартиниус был увлекающимся человеком. Его постоянно захватывало нечто новое и он на короткое время отдавался этому весь без остатка. Плохое в этом было то, что увлечения хозяина отражались на мне и Саскии. Так, два месяца он посещал школу танцев и, несмотря на свой возраст, освоил несколько довольно сложных па. Нам со служанкой стоило больших трудов отговорить нотариуса научить и нас отплясывать веселый перестук и гвинский танец с бубенчиками. А как-то одним из его клиентов оказался доктор Зудик, фанатичный поклонник вегетарианского питания. К сожалению, тощий как штaketник доктор убедил нашего старика в исключительной пользе овощей и фруктов и доказал ему, что мясо несет всем нам скорую и ужасную гибель. После этого, некоторое время слово «жаркое» было в нашем доме под

запретом, а Саския, накрывая на стол, едва сдерживала слезы. К счастью, это продолжалось не долго. Однажды, когда мы с нотариусом, глядя друг на друга, уныло жевали морковные котлеты, патрон вдруг швырнул вилку на стол и пропищал:

– К черту эту гадость! Саския, нет ли в доме чего-нибудь мясного?

Была у старого нотариуса и маленькая слабость. Мой шеф благоговел перед титулованными вельможами, всеми этими князьями, герцогами, маркизами, графами и баронами. В нашей библиотеке на почетном месте стояли толстые тома «Гведского родословника» и старик проводил много времени изучая генеалогию старинных знатных родов: Пергамэнтов, Даниэллей, Козелл-Козликов, Кронье, Делибрандов и других.

Королевский Геральдический департамент в лице моего шефа нашел самого преданного читателя своего издания «Собрание гведских вельмож». Месьер Мартиниус мечтал однажды тоже получить золотые рыцарские шпоры и титул из рук самого короля. Стать графом или уж на худой конец бароном было самым заветным желанием старика. Мне было непонятно, как такое большое тщеславие помещалось в таком крошечном тельце.

Однако все же главной страстью Бенедикта Мартиниуса, которой он отдавался со всем своим незаурядным темпераментом, была история. Он был горячим патриотом и неутомимым исследователем прошлого родной страны и ее народа. Нотариус и меня постарался увлечь своей страстью к истории. Благодаря ему, я познакомился со многими материалами на эту тему. Он постоянно рекомендовал мне прочесть ту или иную книгу и через короткое время я уже неплохо разбирался в этом предмете. Моему хозяину был необходим благодарный слушатель и частенько по вечерам мы удобно устраивались у камина в библиотеке и, потягивая кофе с коньяком, обсуждали различные моменты истории нашего королевства. Как-то доктор Мартиниус поделился со мной планами относительно своих будущих исторических исследований.

– Как известно, Мельхиор, у многих народов мира есть легенда о потопе. Есть такая легенда и у нас. Никто на самом деле не знает, откуда в Гведцию пришли племена под началом Алкуина, Кируина и Мелуина – трех братьев-близнецов. Древнее предание говорит, что из чудесной Флорианы – Страны Цветов, где царила вечная весна. Боги заботились о том, чтобы жители этой страны не знали, что такое нужда, болезни и горе. Жизнь во Флориане была так легка и беспечна, что люди перестали ценить то, что им дали боги и сделались ленивы, завистливы и неблагодарны. Они требовали от богов все больше и в своей жадности и гордости дошли до того, что стали поносить богов и говорить, что боги им не нужны. Разгневались за это на них боги и обрушили на Флориану свой гнев. Они попросили сурового бога Деуса наказать неблагодарных. И вот, задул страшный ветер, который ломал вековые деревья как тростинки, с неба на несчастных людей обрушился ледяной водопад, всегда теплое ласковое море вдруг поднялось темной свинцовой стеной и пошло на берег, сметая все на своем пути. Люди, возомнившие о себе, что они равны богам, гибли массами. Остатки народа бежали из Флорианы по единственному возможному пути на север, а наступающее позади них море поглощало вечнозеленые леса, цветущие сады, прекрасные города и уютные деревушки. Так с лица земли навсегда исчезла Счастливая Флориана.

Уцелевшие флорианцы выбрали своими вождями трех братьев-близнецов Алкуина, Кируина и Мелуина. Разделив народ на три колонны, братья повели его дальше, в поисках нового места для поселения. Но нигде им не удавалось остановиться. Где-то не было воды, где-то земля была неплодородна, где-то местные жители были враждебны. Так в скитаниях прошло несколько лет. Многие погибли в пути. Все это время несчастные беглецы неустанно просили богов смилостивиться над ними. Наконец, гнев богов стал утихать и, собравшись на совет, они решили простить оставшихся в живых флорианцев. Но, чтобы те не забыли полученного урока, боги повелели, чтобы отныне все необходимое для жизни люди добывали себе сами тяжким трудом без помощи свыше.

Вскоре после этого, на берегу широкой реки Алкуин, Кируин и Мелуин встретили волшебника по имени Гведикус. На правом его плече сидел черный орел, а на левом – белый голубь. Гведикус передал близнецам решение богов и указал место для поселения. Упав на колени, братья возблагодарили богов и попросили Гведикуса быть покровителем и заступником их народа. В его честь они назвали страну Гвечией, себя гведами, а реку, где произошли эти события – Гведианой. По легенде, на месте встречи близнецов с Гведикусом был установлен большой камень.

Чтобы больше никогда гордыня не смогла овладеть ими, гведы стали давать себе имена в уменьшительной форме: Братик, Лютик, Фунтик, Ежик... Эти имена впоследствии превратились в гведские фамилии.

Гведы и сегодня чтут Гведикуса как покровителя своей страны. Они верят, что орел с его правого плеча наказывает злых, а голубь с левого плеча награждает добрых. Наши дети верят, что волшебник в новогоднюю ночь приносит подарки и кладет их им под кровати.

Страна, в которой оказались беглецы, была обширной и богатой. Почти всю ее окружали высокие горы и только на востоке и юге в сушу глубоко вдавались морские заливы. В центре страны возвышалась огромная гора, длинные отроги которой делили страну на несколько отдельных областей. С горы струились реки, орошавшие плодородную почву. На северо-востоке лежало большое озеро, отделявшее длинный узкий полуостров от основного массива земель. Север и центр были покрыты густыми хвойными и лиственными лесами и только на юго-западе находилась обширная пустыня. Ее пески доходили почти до побережья южного залива, вдоль которого узкой полосой тянулись тропические заросли. Западную часть занимала равнина, покрытая высокой травой.

Страна изобиловала различными животными и птицами. В ее недрах скрывались богатые запасы руд. Воды были полны рыбы. Климат был мягким. Лето было долгим и жарким. Снег выпадал только на далеком севере. Дальше легенды рассказывают, что от Гведианы Алкуин, Кируин и Мелуин повели свой народ к Большой горе. За обилие деревьев центральную область назвали Зеленой страной, а самый большой лес – Зеленым лесом.

В середине Зеленой страны гведы заложили город Квакенбург. Квакенбургом это место называли гвины – жители соседней Гвинляндии – из-за большого количества лягушек, которых они здесь ловили. Для гвинов лягушки и змеи издавна считались деликатесом и лекарством. После основания Квакенбурга братья поспорили – кому править в Зеленой стране? Алкуин хотел управлять народом единолично, Кируин предлагал царствовать сообща всем троим, а Мелуин – по очереди. Так и не договорившись, Кируин и Мелуин, каждый со своими сторонниками, покинули Квакенбург. Кируин ушел на север к Голубому озеру в Голубую страну и основал свой город – Ксант. По легенде, Ксант – имя дракона, которого на том месте убил Кируин. Мелуин же направился на юг и после долгого и трудного пути построил город Портобелло на берегу океана в Оранжевой стране. Так гведы разделились на три племени. Жителей севера стали называть озерными гведами, центра – лесными, а юга – южными гведами. Немного позже гведы из Голубой страны, двигаясь все дальше на восток, вышли на побережье Синего моря и на полуострове построили город Ориент, ставший главным городом Синей страны. Жителей Синей страны называли поморскими гведами. Вот таким образом старинные предания рассказывают о появлении гведского народа.

Нотариус перевел дыхание и сделал глоток кофе.

– А что говорит наука? – задал я вопрос. Пусть старик порадует, что у него любознательный помощник. Одобрительно посмотрев на меня, Мартиниус с увлечением продолжал:

– Гведские ученые-историки, так называемые гведографы, в результате своих исследований установили, что с древних времен территорию Гвечии населяли различные народы: на северо-западе в Гвинляндии, которую теперь чаще называют на гведский манер Фиолетовой страной, гвины – потомки каких-то арийских племен; в Великой Желтой пустыне

имолы – кочевники неизвестного происхождения, а на южном побережье когда-то находились колонии древнегреческих городов-государств. Потомков гордых эллинов в наши дни называют гведиотами, чтобы отличать от гведов. Даже древние египтяне посещали Гведию. На побережье Гведской Ривьеры недалеко от Сан-Питера местные жители однажды откопали статую Изиды, египетской богини. Затем, согласно легендам, одиннадцать веков назад сюда пришли Алкуин, Кируин и Мелуин со своими людьми. Впоследствии в Портобелло поселилась группа французских гугенотов, а также небольшое число евреев.

Моя мечта, Мельхиор, найти тот самый камень, который был установлен на месте встречи Алкуина, Кируина и Мелуина с Гведикусом и тем самым доказать, что и братья-близнецы, и Гведикус действительно существовали. Когда-нибудь я организую экспедицию к берегам Гведианы и обязательно найду этот камень.

Гведикус, наряду с братьями-близнецами, Яном Квакенбургским-Крестителем Гведии, Хенриком Великим и королем Себастьяном, одна из значительнейших и интереснейших личностей в истории нашей страны, Мельхиор. О нем существует множество легенд и преданий. Он творил чудеса, понимал язык животных и птиц, повелевал стихиями, помогал людям, лечил и спасал их, карал злодеев. Я хочу найти материальное подтверждение этому. Я думаю, что Гведикус был кем-то, похожим на китайских мудрецов-даосов, которые, чтобы достичь бессмертия, учились управлять жизненной энергией. Может быть, Гведикус бывал в Китае и был знаком с учением даосов? Вопросы, вопросы... Постараться найти на них ответы, что может быть увлекательнее этого, Мельхиор?

– Я понимаю вас, доминус¹.

– Ах, мой мальчик! Как много люди еще не знают о своей собственной истории даже в наш просвещенный век. И это, когда по мощным гладким камнем улицам мчат роскошные экипажи, величественные здания ярко освещены газовыми лампами, а комфортабельные парусные пакетботы из Оrientsа достигают островов Гведской Ост-Индии всего за одну неделю! Когда образование и прогресс поднялись на невиданную вершину! Ведь сегодня даже в самой захолустной деревеньке где-нибудь за Большой горой можно найти грамотного селянина. И в это самое время, в нашей цивилизованной стране, мы часто рассказываем друг другу какие-то байки не зная, что в них правда, а что нет. Мой долг, Мельхиор, внести посильную лепту в историческую науку!

– Может быть, когда-нибудь в далеком-далеком будущем люди дойдут до такого взлета мысли, что смогут овладеть не только силой ветра, как сейчас, но и, например,... силой пара? – наугад предположил я.

– Да-да, – насмешливо подхватил старик, – и придумают какие-нибудь пароходы, к которым будут цеплять телеги с пассажирами и багажом! Нет, мой дорогой Мельхиор. И у человеческого гения есть предел.

¹ Dominus – господин (лат.).

Глава третья В которой у Мельхиора появляется возможность увидеть шедевр

– Что у нас сегодня на завтрак, Саския? – спросил как-то утром нотариус, усаживаясь за стол в столовой.

– Сосиски по-кронски с горчицей и яичница с помидорами, – ответила служанка, внося в столовую большой поднос, уставленный тарелками.

– Кстати о сосисках по-кронски, Мельхиор, – обратился ко мне Мартиниус. – Сегодня меня должен посетить молодой граф Озрик Де-Бург. Я вчера получил письмо от его отца графа Бертрама, в котором он просит принять своего сына по важному и неотложному делу. Поэтому, когда он явится, немедленно проводите его ко мне в кабинет.

– Осмелюсь спросить, месьер нотариус. Какая связь между нашим гостем и сосисками по-кронски с горчицей?

– Ну как же, – поразился моей непонятливости нотариус, – ведь замок Три Башни, принадлежащий графу Бертраму, находится не где-нибудь, а в окрестностях Крона. Крон – старинный городок на реке Крона и знаменит не только своими сосисками, но и древним монастырем Патерностер ордена Гведских Братьев и Сестер. Два года назад я гостил у графа в Трех Башнях и часто прогуливался по узким извилистым улочкам города. Осматривал я и монастырь, который был основан еще при Хенрике Великом, то есть более восьмисот лет тому назад. На монастырском кладбище, между прочим, находится и фамильный склеп рода Де-Бургов. Теперь вы понимаете Мельхиор, почему услышав о сосисках по-кронски, я вспомнил о визите Озрика Де-Бурга?

Между прочим, я заметил, как засветились от удовольствия глазки старика, когда он произносил слова: «граф», «замок», «фамильный склеп».

Молодой граф появился у нас перед обедом. На первый поверхностный взгляд он не очень походил на потомка знаменитого аристократического рода. Среднего роста, симпатичный, хорошо сложенный мужчина лет тридцати, одетый в скромный серый сюртук с университетским значком. Большие серые глаза с грустинкой, удлиненное лицо с тонкими чертами. Граф напомнил мне преподавателей гимназии, в которой я учился. И только приглядевшись внимательнее, я заметил, что сюртук сшит хорошим мастером из дорогой ткани. Сюртук был застегнут на серебряные пуговицы с маленькими графскими коронами. На пальцах нашего гостя сверкнули золотые перстни, а рукоятка его трости была сделана из настоящей слоновой кости, также оправленной в серебро.

– Озрик Бертрам Де-Бург, – представился молодой человек приятным низким голосом. – Я хотел бы увидеть месьера Мартиниуса.

– Добрый день, ваше сиятельство, – вежливо ответил я. – Месьер нотариус ждет вас. Прошу следовать за мной.

Проводив гостя в кабинет нотариуса, я хотел выйти, но мой патрон сделал знак, чтобы я остался и, выйдя из-за стола, пожал графу руку, приветливо улыбаясь.

– Здравствуйте, Озрик. Очень рад вас видеть. Располагайтесь поудобнее. Чем могу служить?

– Здравствуйте, месьер Мартиниус. Я тоже рад вас видеть, – ответил граф, усаживаясь в кресло. – Я находился в Квакенбурге по делам и отец поручил мне попросить вас приехать к нам в Три Башни как можно скорее. Я возвращаюсь домой завтра и вы можете ко мне присоединиться. Я еду один и в моей карете достаточно места.

– А что случилось? Почему такая спешка? – спросил мой патрон.

Граф нахмурился:

– Последние месяцы отец чувствует себя неважно. Вы, наверное, помните, что еще два года назад, когда вы у нас гостили, у него случались сердечные приступы. В последнее время его состояние ухудшается с каждым днем. У отца сильные боли. Он находится под постоянным присмотром врача. Доктора прописали ему лекарство, которое помогает ему уснуть. Иначе, я даже не знаю, чтобы мы делали. Видимо, отец хочет сделать какие-то распоряжения и приглашает вас – человека, которому доверяет вся наша семья.

– Вы сообщили мне печальные новости. Однако будем надеяться на лучшее, – сказал нотариус.

– Надеяться – вот и все, что нам остается в такой ситуации, – грустно согласился молодой граф. – Так что вы ответите?

– Раз дело обстоит таким образом, я, разумеется, поеду завтра с вами, дорогой Озрик, – решил нотариус, – но я хотел бы взять с собой моего секретаря Мельхиора. Надеюсь, это возможно?

– Как вам будет угодно, – кивнул граф. – Я заеду за вами в девять утра.

Наш гость отказался от предложения остаться на обед, сославшись на еще незаконченные дела, и откланялся. Проводив гостя, я вернулся в кабинет.

– Ну что же, Мельхиор, собирайтесь. У вас появилась возможность побывать в замке Три Башни. Вы увидите настоящий старинный гведский замок.

– Хорошо, месьер нотариус, – покорно сказал я. Честно говоря, я не был рад трястись в карете, а потом жить в каком-то старом замке. Мне совсем не хотелось покидать наш уютный домик, но ничего не поделаешь, спорить не приходилось.

– Замок Три Башни был построен более пятисот лет назад, – старик снова сел на своего любимого конька, – и украшен, как вы наверное, Мельхиор, со свойственной вам проницательностью догадались, тремя башнями. Форма его главной башни, так называемого донжона, напоминает донжон замка Палатинат, расположенного на севере недалеко от Ксанта. А какие там изумительные эскарпы и контрфорсы! Это – шедевр крепостной архитектуры! Настоящий любитель истории просто обязан воспользоваться таким случаем!

Глава четвертая

В которой Мельхиор просыпается в Квакенбурге, а ложится спать в замке Три Башни

Утром, сразу после завтрака, в нашем тихом особняке на Зеленой улице раздался звонок. Выглянув в окно, я увидел большой зеленый экипаж с гербами на дверцах: три золотые крепостные башни на красном поле. Над гербами блестели серебряные графские короны. Граф Озрик был точен.

Я спустился в прихожую, захватив с собой уложенный еще с вечера саквояж с самыми необходимыми вещами – сменой белья и бритвенными принадлежностями. В прихожей уже нетерпеливо переминался мой шеф, одетый, как и положено полноправному члену Гильдии гведских нотариусов, в широкий до пят черный плащ с высоким красным воротником. В одной руке он держал дорожную сумку с металлическими пряжками, на которых была выдавлена надпись: «Бенедикт Мартиниус, нотариус», а в другой – черный бархатный колпак с красным помпоном и красными же квадратными широкими полями. В этом пышном наряде крошечный старик был похож на императора Лилипутии.

– Быстрее Мельхиор, – поторопил меня патрон. – Невежливо заставлять графа ждать.

Попрощавшись с Саскией, которая даже немного всплакнула, мы вышли на улицу. Граф Озрик Де-Бург, выйдя из кареты, сердечно приветствовал нас. Отдав свой скромный багаж кучеру, мы удобно устроились в карете на кожаных диванах. Кучер уложил наши саквояжи в багажное отделение, расположенное сзади, забрался на свое место и резко свистнул. Кони мягко тронули с места тяжелый экипаж и покатали его по вымощенной гладким камнем мостовой на восток в сторону Кронских ворот.

Мы проехали Зеленую улицу, свернули на площадь Биржи и по улице Трех Близнецов через центр Квакенбурга выехали к Кронским воротам. Миновав широкие Кронские ворота с мощными квадратными башнями над которыми на ветру развевались разноцветные флаги Гведского королевства, Зеленой страны и города Квакенбурга, наша карета покатила, мягко покачиваясь на рессорах, по загородной дороге. За окном, вместо многоэтажных зданий с расположенными в них конторами и торговыми заведениями, замелькали небольшие аккуратные домики пригородов гведской столицы, окруженные фруктовыми садами.

Грохот колес по каменной мостовой сменил тихий шелест гравия. Зеленые домики с высокими красными крышами попадались все реже, а вязы, дубы, ели и сосны росли все гуще, подступали все ближе к дороге и, наконец, настоящий дремучий лес обступил наш экипаж, неторопливо двигавшийся дальше и дальше на восток.

За то время, которое понадобилось нам, чтобы покинуть столицу, мы не сказали друг другу и нескольких слов. Молодой граф дремал, откинувшись на мягкие подушки, мой патрон изучал какой-то юридический документ, а я просто глазел в окно. Это было мое первое далекое путешествие и мне конечно все было интересно.

Наконец нотариус спрятал бумагу в карман своего плаща и, увидев, что молодой человек проснулся и смотрит на нас, обратился к нему с вопросом:

– Дорогой граф, сколько времени нам понадобится, чтобы добраться до Трех Башен?

– Обычно дорога занимает весь день, – ответил Озрик. – От Квакенбурга до Крона примерно сто гведских миль. От Крона до замка – миль пять. Где-нибудь по дороге мы остановимся пообедать и к вечеру будем на месте.

– Я слышал, что ваша сестра помолвлена с каким-то молодым человеком? – спросил, улыбаясь, Мартиниус.

– Да, Валерия помолвлена с Тобиасом Сальватором. Он преподает риторику в кронской гимназии, но называет себя поэтом. Я, правда, его стихов не читал, поэтому ничего сказать по этому поводу не могу, но сестре он нравится. Конечно, Тобиас – человек не совсем нашего круга, но мы все считаем, что главное – счастье Валерии. Ведь ей уже двадцать восемь лет. Сестра влюблена в Тобиаса, очень хочет замуж и потому свадьба состоится через два месяца. Вся наша семья любит Валерию. Вы же знаете, господин Мартиниус, что наша бедная матушка рано умерла и Валерия была единственной женщиной в семье, пока не женился мой старший брат Себастьян.

– Кстати, как он поживает?

– Да как сказать, – пожал плечами Озрик. – Он служил в гвардейских драгунах. Недавно вышел в отставку и с семьей поселился в замке. Его жену зовут Патриция. Она из военной семьи – дочь драгунского полковника, бывшего полкового командира Себастьяна. У них есть сын Николаус. К несчастью, маленький Ники очень болен. Я не открою тайны, если скажу, что Себастьян очень невосдержан в отношении спиртного. Эта слабость помешала ему сделать военную карьеру. Она является причиной болезни Ники и скандалов Себастьяна с женой. Его безобразные попойки вконец испортили отношения с отцом, который почти перестал общаться с братом. Только я, да еще, конечно, Валерия пытаемся что-то сделать, как-то ему помочь. Однако и у нас временами опускаются руки. Вот, например, недавно Себастьян в какой-то кронской пивной повздорил с проезжими торговцами. Перепалка закончилась дракой. Себастьяна привезли домой на телеге едва живого. И хотя потом он утверждал, что его смогли одолеть только благодаря большому численному перевесу, я склонен думать, что у него от выпитого просто двоилось в глазах. После этой выходки отец и решил вызвать вас в Три Башни.

Озрик замолчал и задумался. Мы тоже молчали, смущенные его откровенностью. Вдруг граф кивнул головой, будто отвечая каким-то своим мыслям, и произнес:

– Мне в последнее время кажется, что над нашей семьей сгущаются какие-то тучи. Что-то недоброе ожидает всех нас. Не знаю, отчего это, но такое ощущение охватывает меня все чаще. А иногда я думаю, что это просто нервозность из-за болезни отца и поведения Себастьяна и все еще переменится к лучшему. Право не знаю...

В молчании мы продолжили свой путь через знаменитый Зеленый лес. Этот густой лес находится между Атласными горами на западе и рекой Кроной на востоке, между Большой горой на севере и Зелеными горами на юге. Зеленый лес и в наше время занимает большую часть Зеленой страны, а некогда он был еще обширней. Сейчас восточная часть, по которой мы ехали, заселена, обжита, покрыта замками, деревнями, фермами, дорогами, тропами и просеками, но в западной части от Вилона до Атласных гор и сейчас в нем слышится только завывание волков.

Время от времени деревья за окном редели и, в стороне от главной дороги, появлялись селения. Металлические таблички сообщали нам их названия: Тенистые Вязы, Лесная Поляна, Гведская Миля. В полдень мы решили дать отдых лошадям и остановились на обед в одном из таких селений под названием Зеленое Поле. Пока кучер возился с лошадьми, мы зашли в придорожную харчевню, над входом в которую бросалась в глаза витиеватая надпись «У толстяка Вилема» и заказали крепенькому добродушному хозяину в чистом белом переднике и колпаке три порции жареной картошки с котлетами, салат и пиво.

В ожидании еды мы расположились за крепким дубовым столом, стоявшим у стены на которой были развешены большие, начищенные до блеска сковороды. Я огляделся вокруг. В большом зале было довольно многолюдно. В углу у очага пиროвала компания лесорубов в кожаных куртках, которые пили местное пиво и хриплыми, привычными к лесу голосами громко разговаривали о своих делах. За соседним с ними столом сидели два странствующих монаха-янита в домотканых сутанах из некрашеной шерсти, подпоясанных простыми

веревками. Котомки, в которые яниты собирают милостыню, были сложены рядом на скамье. Тощие монахи тщательно пережевывали какую-то нехитрую снедь и неодобрительно поглядывали на дюжих лесорубов, когда их разговор становился особенно громким. Напротив монахов, у другой стены зала три торговца вполголоса обсуждали достоинства и недостатки разных пород скота и цены на говядину и свинину. Они уже отобедали, судя по грязной посуде и объедкам на столе. Кроме этих посетителей, кое-где за столами поодиночке сидело еще несколько человек.

Хозяин принес нам еду и расставил оловянные тарелки. Следом за салатом, картошкой и котлетами появились три высокие, глиняные кружки с крышками, из-под которых на стол капала пена.

– Попробуйте, уважаемые гости, – сказал румяный крепыш, пододвигая каждому его кружку. – Это лучшее пиво во всей округе. Даже в Кроне знают пиво марки «Толстяк Вилем»! Каждую неделю я отправляю туда десять бочонков темного и десять светлого.

Поблагодарив добряка, мы с аппетитом приступили к трапезе. Изрядно проголодавшись в дороге, за едой мы не разговаривали. Отдав должное вкусной и обильной пище, мы запили ее пивом, которое действительно оказалось превосходным.

Пока мы расправлялись с обедом, монахи сложили то, что не доели в котомки, помолились и двинулись к выходу. Проходя мимо нашего стола, шедший первым высокий и худой как жердь янит вдруг внезапно остановился и издал громкое восклицание. От неожиданности мы все трое, как по команде, перестали есть и посмотрели на него. Старик, вперив в молодого графа взгляд своих черных глаз, которые резко выделялись на его узком, морщинистом лице, воскликнул:

– Берегись грешник! Печать смерти лежит на твоём челе. Покайся пока не поздно!

Разговоры в зале разом умолкли и все посетители обернулись в нашу сторону. Озрик уронил вилку на стол и побледнел. Я оцепенел и от страха не мог вымолвить ни слова. Один нотариус сохранил присутствие духа и спросил монаха, продолжавшего сверлить графа тяжелым взглядом:

– О каких грехах вы говорите, святой отец?

– Никто не знает о своих грехах лучше самого грешника. Покайся несчастный! Смерть идет за тобой по пятам!

С этими словами монах повернулся и быстро вышел на улицу в сопровождении своего товарища. После их ухода еще некоторое время в харчевне стояла тишина. Люди поглядывали на Озрика Де-Бурга и друг на друга и качали головами, не решаясь заговорить. Молодой человек сидел по-прежнему бледный и было видно, что он пытается прийти в себя. Мартиниус о чем-то задумался. Так прошло некоторое время. Наконец, к нам подошел хозяин заведения и заговорил:

– Это конечно не мое дело, доминус, но на вашем месте я бы прислушался к словам янита. Они обладают даром предсказания, это каждый у нас знает. Поэтому лучше вам сходить в церковь как можно скорее.

Немного придя в себя, мы заплатили за обед по пять гведских крон и, усевшись в карету, продолжили свой путь. Отдохнувшие и накормленные лошади бодро потащили тяжелый экипаж по дороге на Крон. За окном снова замелькали деревья и придорожные черно-белые столбики с коронованным гведским орлом, обозначающие пройденные мили.

– Ну и что вы об этом всем думаете, месьер Мартиниус? – спросил граф, как только мы отъехали от харчевни. Он уже пришел в себя и на лице его опять появилось выражение доброжелательной вежливости, так для него характерное.

– Пока не знаю, что обо всем этом думать, – ответил нотариус, – но все это весьма интересно.

Дальнейший наш путь продолжался без приключений. Уже начинало темнеть, когда наша карета въехала в достославный город Крон, миновала его и, прогрохотав по горбтому каменному мосту через реку Крону, повернула к графскому замку. И дорога, и река вились по узкой долине, густо заросшей соснами и елями. Теперь карета двигалась по глубоким колеям, проложенным давным-давно.

По сторонам дороги в последних лучах заходящего солнца поблескивали листья ежевики и папоротника. Желтые и красные листья густым ковром устилали землю. Стук колес нашего экипажа словно утонул в толстом слое гниющей травы. Дорога, становившаяся хуже, спустилась куда-то вниз и в серых сумерках вдаль я увидел три высокие башни – мощную центральную и по обеим сторонам ее две узкие. Их черные силуэты торчали над лесом как мрачные стражи этого сурового края.

– Ну вот, наконец-то, мы дома, – сказал молодой граф.

Вскоре мы подъехали к узкому деревянному мосту, переброшенному через ров окружающий замок. За мостом возвышалась каменная громада. Кое-где в замке виднелись неяркие огни. Карета, гремя, въехала в ворота, украшенные гербом Де-Бургов и остановилась во внутреннем дворе.

В темноте я мог разглядеть только массивный фасад, сплошь увитый плющом. Над зданием поднималась старинная зубчатая башня. Справа и слева к главному строению примыкали два крыла, сложенные из дикого камня и увенчанные крутыми остроконечными крышами. Из-за крыш в темном небе угадывались очертания двух узких боковых башен.

– Добро пожаловать, уважаемые месьеры! Добро пожаловать в Три Башни!

Из тени, скрывавшей вход, выступил крупный усатый мужчина и открыл дверцу кареты.

– Здравствуйте, Мартин. Это Мартин – наш дворецкий, – пояснил нам Озрик и с беспокойством снова обратился к дворецкому:

– Как себя чувствует отец?

– Их сиятельство уже изволили лечь. Весь день они провели у себя и почти ничего не ели. Доктор Адам с самого утра находился в замке и только недавно уехал домой.

Пока дворецкий отвечал на вопросы Озрика, двое подошедших слуг взяли наши саквояжи и понесли их в дом. Дворецкий провел нас длинными темными коридорами в столовую, освещенную слабым светом канделябров. Помещение, в котором мы оказались, было очень просторным, с высоким потолком. Посреди столовой на помосте стоял огромный господский стол. По обе стороны помоста располагались столы для лиц низшего звания. В дальнем конце помещения, напротив входа, виднелись хоры для менестрелей. В старинном камине с красивой чугунной решеткой, уютно потрескивая, горели поленья. В неверном свете свечей со стен на нас угрюмо смотрели портреты предков нынешних хозяев замка.

Нотариус и молодой граф подошли к камину и протянули руки к огню. Устроившись возле них, я стал разглядывать полированное дерево стен, украшенных гобеленами, изящные цветные стекла стрельчатых окон, олени и кабаньи головы, смутно виднеющиеся в полумраке.

– Прикажете подавать ужин, ваше сиятельство? – обратился к Озрику дворецкий.

– Конечно, Мартин. Признаться, я умираю с голоду.

– Через несколько минут все будет готово, ваше сиятельство.

Мы все очень устали за день, поэтому разговор за столом не клеился и ужин прошел в молчании. После ужина меня и моего шефа проводили в отведенные нам комнаты. Они находились в Южной башне или Башне Бруниссенды, как сказал сопровождавший нас слуга. Наши комнаты располагались на самом верху башни. Их двери выходили в один коридор почти напротив друг друга. Моя комната оказалась небольшим, вытянутым в длину поме-

щением. При свете свечи, я разглядел стол, два стула и узкую кровать возле узкого окна, прорубленного в овальной стене башни.

Перед сном я подошел к окну и посмотрел в ночную тьму. За окном в бледном свете луны виднелась черная опушка окружающего замок леса. Ни единый огонек не оживлял дикую местность. От этой картины веяло заброшенностью и одиночеством. Чувствовал я себя усталым и подавленным. Раздевшись и улегшись в постель, я услышал, как где-то в замке тоскливо завывала собака. Некоторое время я слушал эти протяжные душераздирающие звуки, но вскоре усталость взяла свое и я уснул.

Глава пятая В которой Мельхиор влюбляется первый раз в жизни

Громкий звук ворвался в мой сон. Я открыл глаза и удивился перемене произошедшей с моей комнатой. Вчера вечером она показалась мне мрачным тесным ящиком с затаившимися в углах зловещими тенями. А сейчас было раннее утро. На стенах, обитых деревянными панелями, играли солнечные зайчики. Свет, бывший в высокое узкое окно, ярко освещал все помещение не оставляя больше места для тайн и кошмаров.

За окном снова раздался глуховатый звук рога. Затем он прозвучал в третий раз и умолк. Я потянулся, зевнул и посмотрел на часы. Шесть. Я чувствовал, что хорошо выспался. Вчерашняя усталость исчезла. Ее сменила легкость тела и бодрость духа. Ну что же – пора вставать! Одевшись, я прошел в туалетную комнату, где нашел мыло, теплую воду и свежее полотенце. С удовольствием умывшись, я тщательно причесался и вышел в коридор.

Спустившись в гостиную, я увидел дворецкого с гордо закрученными усами, который торжественно нес большой рог, отделанный серебром. Заметив меня, дворецкий остановился и, почтительно поклонившись, сказал:

– Доброе утро, доминус. Завтрак будет подан через час в столовой.

– Что означает этот утренний концерт? – спросил я, кивая на рог.

– О, это древняя традиция. С незапамятных времен в замке три раза в день звучит этот сигнал. В шесть часов утра – три раза, в двенадцать дня – два раза и в шесть вечера – один раз. Раньше у нас был специальный сигнальщик, но пару лет назад он простудился и уже не мог исполнять свои обязанности. Вместо него его сиятельство поручил трубить в рог мне. С тех пор трижды в день я вынимаю этот старинный инструмент из специального шкафа в оружейной комнате и играю побудку, полдень и отбой.

– Как видно Мартин, вам нравится это занятие, – заметил я, улыбнувшись.

– Да, доминус. Я всегда любил музыку, – серьезно ответил дворецкий и, снова поклонившись, вышел из гостиной.

Расставшись с Мартином, я отправился к своему патрону, чтобы пожелать ему доброго утра и узнать, не нужен ли я ему. Между прочим, нотариус не любил вставать рано, поэтому встретил меня в довольно скверном настроении. Старик сидел посреди огромной кровати и недовольно морщил свой длинный нос.

– Здравствуйте, Мельхиор. Как видно и вас разбудил этот ужасный шум?

– Это не шум, а древняя традиция, – важно ответил я, подражая дворецкому. – По этому сигналу гведские рыцари в старину выходили на битву.

– По этому сигналу они, скорее всего, выходили на завтрак, обед и ужин, – ворчливо перебил меня нотариус. – Я совсем позабыл об этом обычае, а то бы чем-нибудь заранее заткнул уши. Так что там у нас насчет завтрака?

– Дворецкий сообщил мне, что завтрак будет подан через час.

Старик любил поесть, поэтому дважды приглашать его не пришлось. Он вскочил и быстро стал одеваться. Ровно через час мы входили в широкие резные двери столовой залы замка Три Башни.

В столовой сидел мужчина лет сорока, задумчиво глядя на огонь в камине. Видно было, что в молодости он был замечательно красив – высокий, стройный блондин, с чеканным профилем. Однако мешки под глазами, морщины, припухлости и прожилки говорили о бурно прожитых годах и наводили на мысль о пристрастии к алкоголю. Увидев нас, мужчина при-

встал со своего места и вежливо кивнул. Мы с нотариусом ответили ему тем же, после чего Мартиниус представил нас друг другу.

– Месьер граф Себастьян Бертрам Де-Бург. Мой помощник Мельхиор Ян Лукас.

Граф еще раз мне кивнул и после того как мы заняли указанные нам слугой места за столом, обратился к нотариусу:

– Давно вы не были в наших краях, месьер Мартиниус. Что же привело вас в нашу глушь?

– Меня попросил приехать ваш отец – граф Бертрам, – ответил мой хозяин и, чтобы избежать дальнейших вопросов, ловко сменил тему:

– Как поживает ваша супруга?

Граф усмехнулся.

– Не знаю, как она поживает, но выглядит всегда великолепно. Впрочем вы можете в этом убедиться. Вот и она.

Мы встали, приветствуя входящих в столовую двух женщин. Впереди шла высокая золотоволосая дама в черном шелковом платье, украшенным брошью-камеей. На ее шее бросался в глаза крупный золотой медальон. Судя по всему, это и была Патриция Де-Бург. Отстав на шаг, за ней следовала молодая брюнетка в светлом легком платье, тащившая за собой упирающегося и хнычущего ребенка. Он сразу привлек к себе мое внимание. С первого взгляда было ясно, что мальчик – инвалид. Несоразмерно большая голова на тщедушном тельце, искривленные какой-то болезнью руки и ноги. Лицо ребенка было нездорового молочного цвета, белизну которого подчеркивал темно-синий костюмчик. В уголках капризного рта пузырилась слюна. Мальчик произвел на меня отталкивающее впечатление, но я тут же устыдился своих мыслей. Ведь несчастный ребенок не был виноват в своей болезни.

– Ники, перестань капризничать. Сейчас будем завтракать, – властно сказала Патриция и добавила, повернувшись к брюнетке:

– Таис, усадите, пожалуйста, Ники рядом со мной.

Сразу было видно, что она любит командовать. Пока женщины хлопотали, устраивая поудобнее Николауса и рассаживаясь сами, в зале появился наш вчерашний спутник молодой граф Озрик в компании с каким-то невысоким широкогрудым мужчиной с гладко выбритым лицом и густыми черными бровями. Молодой человек весело пожелал собравшимся доброго утра. Его спутником оказался доктор Адам – лечащий врач хозяина замка. Озрик сообщил нам с нотариусом, что старый граф Бертрам не выйдет к завтраку, так как плохо себя чувствует, поэтому передает свои извинения и ждет нас у себя перед обедом.

Пока слуги разносили завтрак, за столом завязался разговор.

– Где вас разместили, месьер нотариус? – спросил Себастьян.

– В Южной башне.

– В Башне Бруннсенды? – ахнула Патриция. – Я много раз говорила Мартину, чтобы он не селил гостей в эту башню!

– А что такое? – заинтересовался нотариус.

– С этим местом связаны такие страшные легенды! Я ни за что туда не пойду вечером, да и днем-то еще десять раз подумаю.

– Что же за легенды связаны с этой башней и почему она так называется – Башня Бруннсенды? – робко спросила Таис, которая исполняла обязанности личного секретаря графа Бертрама, и, увидев, что мы с нотариусом удивленно посмотрели на нее, смущенно пояснила:

– Я ведь совсем недавно здесь работаю и многого не знаю.

– Пусть Озрик расскажет гостям наше старинное придание, – предложил Себастьян.

– Действительно, Озрик, расскажи, у тебя всегда так хорошо это получается, – присоединаясь к нему Патриция.

Молодой человек засмеялся, увидев направленные на него со всех сторон ожидающие взгляды, и согласно кивнул. Он картинно откашлялся и начал свой рассказ тихим зловещим голосом постепенно его повышая:

– Итак, легенда о прекрасной деве Бруниссенде. Триста лет тому назад во времена славного короля Себастьяна Великолепного в замке Три Башни жил граф Бер Де-Бург. Он владел всей округой и наводил ужас на соседей своими набегами во главе целой орды свирепых наемников-гвинов. Однажды во время охоты на дикого кабана в Зеленом лесу граф встретил прекрасную девушку, которая собирала ягоды. Он полюбил ее с первого взгляда и велел своим слугам узнать, кто она такая. Красавицу звали Бруниссенда. Она была единственной дочерью лесника Маттеуса. Графу доложили также, что девушка помолвлена с молодым кавалером Людвиком и через месяц должна состояться их свадьба. Граф Бер явился к леснику с богатыми дарами и попросил руки Бруниссенды. Отец, которого охватила жадность при виде сокровищ, был согласен. Однако девушка наотрез отказалась выходить замуж за жестокого хозяина замка Три Башни. Услышав отказ, в гневе граф приказал своим наемникам убить Людвика, а верную Бруниссенду похитить. Девушка была схвачена и спрятана в подземелье Южной башни замка. Так и не добившись от нее любви, по одним слухам граф Бер уморил бедняжку голодом, по другим – заколол кинжалом. Никто не знает, что стало с телом красавицы. Возможно, граф замуровал его в подвале. Но история о прекрасной Бруниссенде на этом не закончилась. Говорят, что с той поры после полуночи в Южной башне часто можно слышать женский голос, который молит о помощи. Его сменяют леденящие душу стоны, плач, от которого дыбом встают волосы и хочется изо всех сил зажать себе уши. Не знаю, правда это или нет, но некоторые слуги утверждают, что видели призрачную фигуру девушки, которая появляется только в самые темные ночи в мрачных переходах подземелья замка...

– Прекрати, Озрик! – не выдержала Патриция, – и вы еще хотите, чтобы я ходила в эту башню? Ноги моей там не будет!

– Между прочим, портрет графа Бера Де-Бурга можно увидеть здесь в столовой. Правда, это более поздняя копия картины неизвестного художника-современника нашего сурового предка. Оригинал сильно пострадал во время большого пожара лет сто назад. Вот он висит рядом с изображением Святой Пейрепертузы, которая тоже была из рода Де-Бургов. Так что, как видите, в нашем роду были и святые, и чудовища.

– А что стало с графом Бером? – спросил нотариус.

– Сошел с ума и выбросился из окна в этой самой Южной башне, которую после стали называть башней Бруниссенды.

– Вот видите, Мельхиор, Де-Бурги – это настоящий древний аристократический род! – с почтением шепнул мне шеф.

– Ну, все, хватит этих ужасов! Давайте завтракать, – велела Патриция и все послушно приступили к еде. Разговоры смолкли. Хозяйева и гости сосредоточенно поглощали, каждый в соответствии со своими вкусами, блинчики с подливкой из черной смородины, пончики с начинкой из клубничного варенья, кексы с изюмом, пропитанные маслом горячие булочки. Все это запивалось чаем или кофе из больших чашек настоящего королевского фарфора, о чем свидетельствовали клейма королевской мануфактуры на доньшках. Даже Ники успокоился на время, занявшись огромным пончиком. На десерт были поданы различные сорта печенья и фрукты: бананы, яблоки, груши. Предки одобрительно смотрели на наше пиршество с картин.

Однако я ел почти не чувствуя вкуса. Я влюбился. Когда внимание всех присутствующих было приковано к Озрику, рассказывающему старинное предание, я случайно посмотрел на Таис, которая сидела за столом напротив меня. Она заметила мой взгляд и улыбнулась в ответ. И тут со мной что-то случилось. Вместо скромного секретаря я вдруг увидел

девушку необыкновенной красоты: длинные шелковистые волосы, собранные в изящную прическу, украшенную свежей красной розой, большие, цвета спелой вишни глаза, серьезно глядящие из-под прямых бархатных бровей, точеный нос, крупный рот с алыми сочными губами, четкий овал лица. Я был сражен. Мне хотелось бесконечно любоваться этой красотой. С трудом я отвел взгляд от девушки, которая уже перестала обращать на меня внимание и вместе с другими слушала рассказ о несчастной деве. Сердце мое билось так, что казалось, его было слышно всем.

Я едва дождался конца завтрака. Мне хотелось остаться одному, чтобы разобраться со своими чувствами, но после трапезы пришлось вместе с остальными мужчинами перейти в курительную комнату, где на небольшом столике из красного дерева стоял серебряный поднос с портобельским мускатом и марсалай из Новой Гвееции. Себастьян сейчас же стал наливать вино в бокалы, не дожидаясь пока это сделают слуги, и угощать присутствующих, не забывая, впрочем, и себя.

– А где ваша сестра, мадемуазель Валерия? – спросил Себастьяна нотариус, уютно устроившись на мягком диване с бокалом муската.

– О, раньше Валерия очень увлекалась театром, брала уроки, участвовала в любительских постановках. Теперь же большую часть времени сестрица проводит в обществе своего жениха. Боится остаться в старых девах. Вся в хлопотах по поводу предстоящей свадьбы. Часто остается в Кроне ночевать у наших родственников. Вот и вчера она уехала в Крон, чтобы вместе с Тобиасом что-то купить. Впрочем, сегодня к ужину они должны приехать в замок.

Глава шестая

В которой Мельхиор пишет завещание

Вскоре все разошлись по своим делам: Патриция с помощью Таис увела перемазанного вареньем Николауса в детскую, Себастьян с Озриком отправились на конюшню осмотреть одну из лошадей захромавшую накануне, а мой шеф решил поиграть в шахматы с доктором Адамом. Я оказался предоставлен самому себе и захотел пройтись по окрестностям замка.

Я не желал признаваться в том, что причина побудившая меня предпринять прогулку – это надежда встретить Таис и, быть может, поговорить с ней. Выйдя из ворот, я перешел мост, свернул с дороги налево и неторопливо пошагал по тропинке через окружающий Три Башни лес. Заблудиться я не боялся, так как серые каменные стены и черепичные крыши замка были все время видны сквозь зеленые дубы и заросли ладанника, дрока и тимьяна. За пару часов я обошел весь замок и снова вышел к мосту через ров. Во время прогулки мне навстречу несколько раз попадались местные крестьяне. Они вежливо здоровались со мной и сходили с тропинки, уступая дорогу.

Вернувшись, я поднялся в свою комнату и прилег немного отдохнуть после прогулки. Мысли мои все так же занимала прекрасная гречанка – этот яркий цветок жаркого юга, расцветший в хмурых лесах восточной Швеции. Я впервые испытывал такие чувства к девушке. Да это и не удивительно. Сестер у меня не было, учился я в мужской гимназии, поэтому кроме матери и нескольких знакомых университетских студенток с женщинами я не общался. Но встреча с Таис все во мне перевернула. Лежа на кровати, я представлял себе ее лицо, разговаривал с ней, отважно признавался ей в любви и в своих фантазиях унесся так далеко, что незаметно уснул.

Разбудил меня стук в дверь.

– Войдите! – крикнул я, еще не совсем проснувшись. Спросонья мне вдруг представилось, что сейчас в мою комнату войдет Таис. Однако вместо прекрасной гречанки в узкую дверь неуклюже протиснулась служанка в полосатом платье с подносом уставленном посудой.

– Полдник, месьер, – объявила она, ставя поднос на стол. Служанка была молода, хороша собой и кокетливо постреливала в меня зелеными глазками, пока я вставал и умывался. Освободив поднос, она двинулась, было, к двери, но я ее остановил:

– Подожди, не уходи. Как тебя зовут?

– Вилемина, месьер.

– Послушай Вилемина, если ты не торопишься, расскажи мне немного об обитателях замка, пока я ем.

Девушка понимающе улыбнулась мне.

– У меня есть несколько минут. Вы полдничайте, а потом я унесу посуду.

Я сел за стол и приступил к трапезе. Передо мной стояли тарелочки с рогаликами, медом и мармеладом, на деревянной дощечке лежал круглый кусок масла, а в чашках был налит чай и густое деревенское молоко.

– Так что вы хотите знать, месьер? – спросила служанка.

– Ну, например, секретарь его сиятельства за завтраком сказала, что она здесь недавно. Это правда?

– Истинная правда. Мадемуазель Таис здесь появилась только два месяца назад. Родом она, говорят, из Мнестры или даже самого Гведианáполиса. Да ведь южанку сразу видно! В наших краях таких черных нет. Наши девушки беленькие, зеленоглазые да голубоглазые, а эта гречанка как иногда глянет своими глазищами, так дух замирает! Гордая она и строгая.

– Строгая? – переспросил я с набитым ртом.

– Очень строгая, месьер. Когда ее на службу приняли, граф Озрик начал было за ней ухаживать. Да так настойчиво, просто проходу ей не давал.

– И что? – встревожился я.

– А то, что мадемуазель Таис при их сиятельстве старом графе потребовала от графа Озрика объяснений и тот вынужден был принести ей свои извинения. Да еще и их сиятельство сильно гневались на сына. В общем, все быстро поняли, что мадемуазель Таис сможет за себя постоять. Молодой граф, конечно, немного подулся на нее, но потом вроде все наладилось.

– Так значит мадемуазель Таис не замужем? – продолжал я выведывать интересующие меня сведения у словоохотливой девушки.

– Нет, не замужем. Да и когда ей романы-то крутить? Кроме своих обязанностей, она еще и за их сиятельством ухаживает – следит, чтобы он лекарство вовремя принимал, которое ему доктор прописывает и госпоже Патриции помогает с Ники. Когда только все успевает!

– А разве у Ники нет своей воспитательницы? – удивился я.

– Да они долго не держаться с таким-то ребенком. Очень бойкий мальчуган! Даром, что инвалид. Он же везде старается что-нибудь сломать или испортить. То книги дорогие в библиотеке порвет, то любимую собаку госпожи Патриции палкой ударит, то где-нибудь окно разобьет. А за недогляд воспитательниц и рассчитывают. Сейчас опять никого нет, вот мадемуазель Таис и приглядывает за Ники. Он-то ее слушается больше, чем отца с матерью...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.